

— Мокрецова Н.Я. (Украина)
— Mokretsova N.I. (Ukraine)

МЕТАФОРА КАК ОПТИКА «ВИДЕНИЯ» В СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОМ ПОЗНАНИИ

«Проникновение в истину – сущность метафоры»

Ф. Анкерсмит

Метафора чаще всего ассоциируется с художественным образом и поэтическим восприятием мира. Метафоричность нашего языка многогранна, но в данной работе мы остановимся на ее способности формировать оптику нашего восприятия мира и понимание социального бытия человека. Как отмечает Х. Арендт в книге «Жизнь ума»: «Поэзия, даже если читать ее вслух, воздействует на слушателя оптически: он будет обращать внимание не на слова, которые слышит, а на знаки, которые помнит, и через них – на образы, на которые эти знаки ясно указывают» [3, с.103]. Однако и в повседневной жизни наш язык нередко очень красочен и метафоричен. Оказавшись в сложной жизненной ситуации, мы *теряем голову*, совершаем необдуманные поступки, а потом готовы *провалиться сквозь землю* и у нас от стыда *горят уши и лицо*. Иногда некоторые люди жалеют, что невозможно повернуть *колесо и ось истории* вспять и оказаться в прошлом. Метафоры широко используются в политической рекламе, в речах политических деятелей и лидеров. Также их все чаще используют в новостных программах, в том числе в аналитических, проблемных сюжетах.

Жизненный мир оказывается пронизанным образными, поэтическими смыслами и значениями. Метафорические образы постоянно меняются, изменения в реальной социальной жизни влекут за собой появления новых «живых» метафор. В исследованиях по прагматике политической метафорики американский ученый Р. Д. Андерсон отмечает зависимость изменения политического дискурса в период демократизации общества. По мере того, как население начинает самостоятельно выбирать представителей власти, на смену «вертикальным» метафорам приходят «горизонтальные» метафоры: *диалог*, *спектр*, цветовые метафоры, метафоры сторон и др. В тоталитарном

же обществе господствуют метафоры патернализма и субординации (воспитание, вертикаль власти, задача, работник, строительство, образец), а также гигантомании (громадный, великий, титанический, гигантский). Очень важно, что Р. Д. Андерсон подчеркивает, что смена метафор предшествует процессу демократизации и делает вывод о том, что метафоры обладают каузальной силой [см. 1, с. 4]. По мнению автора, истоки демократических преобразований в обществе следует искать в дискурсивных инновациях, а не в изменении социальных или экономических условий. Исследования в области философии языка приводят к пониманию, что слово есть опасное оружие, так как оно вызывает представления, способные пробудить волю к действию. Согласно традициям античной риторики метафора – один из способов «украшения» речи, способствующий созданию прагматического эффекта и интенционального воздействия на адресата.

Метафоры в научном языке не столь однозначно – как в поэтическом, пропагандистском или политическом языке – имеют признание своей вездесущей роли. Поэтому и в науке, прежде всего, стала признаваться их роль в донесении комплекса знаний непосвященному слушателю, что также связано с необходимостью перевода новой информации с языка определенной науки на обыденный язык или язык другой, более разработанной науки. Хотя ученые разных наук постоянно обращаются к теме метафор и исследуют их значение в этих науках. Основатель современной биологии, Ч. Дарвин, неоднократно подвергался нападкам со стороны противников теории эволюции, в том числе за метафоричность своего языка. Тем не менее, именно теория Дарвина выдержала проверку временем. У Ч. Дарвина мы видим множество антропоморфических описаний природы: «действие», «природная сила отбора», «навыки», «могущество», «видимая мощь», «сосредоточенно взирающая сила», «естественный отбор, действующий с непогрешимой точностью» [22].

Как известно, сам Дарвин отмечал влияние на него социальной теории Мальтуса. Однако методология теории познания, тяготеющая к эмпиризму и «наивному реализму», своей целью ставила задачу описания объекта независимо от субъективных предпочтений исследователя, и как часть этой задачи – это избавление от метафор как «иллюзий». Поэтому Ф. Энгельс писал: «...Каждый может с первого взгляда заметить, что не требуется мальтусовских очков (подчеркнуто авт.), чтобы увидеть в природе борьбу за существование..., что самый факт такой борьбы

существует также и среди растений, – это может доказать ...любой луг, каждое хлебное поле, каждый лес» [21, с. 69-70]. Трудно согласиться с такой точкой зрения. До Дарвина наблюдаемая приспособленность организмов к окружающей среде выдвигалась как решающий довод против эволюции видов. Дарвин изменяет *теоретическое освещение фактов* и то же приспособление превращает в довод, свидетельствующий об эволюции видов. И Ф. Энгельс в другом месте отмечает действительную сложность во взглядах на живую природу: «До Дарвина его теперешние сторонники подчеркивали как раз гармоническое сотрудничество в органической природе... Но лишь только было признано учение Дарвина, как эти самые люди стали повсюду видеть только борьбу. Обе эти концепции правомерны в известных узких границах, но обе одинаково односторонни и ограничены» [21, с. 622].

Теоретические разработки И. Канта о невозможности познания «вещи самой по себе», о неустранимости субъективного в нашем познании применимы к пониманию сущности метафоры. Любой факт (как природный, так и социальный) имеет теоретическую нагруженность. Любое явление, выступающее содержанием научного факта, истолковывается с *точки зрения* принятых теоретических предпосылок, в которых метафоры играют не последнюю роль. Анкерсмит отмечает: «Можно считать, что большая часть философии языка XX века продолжила кантовский эпистемологический проект, представляя язык как трансцендентное условие возможности всего знания и опыта» [2, с. 13]. В социологии XIX-XX веков влияние дарвиновских метафор оказалось достаточно сильным. Взгляды на общество определялись *оптикой борьбы и конкурентных отношений*. Теории солидарности стали более значимыми и популярными уже в XXI веке, политической целью современного общества становится развитие гражданской солидарности, лежащей в основе социальной интеграции.

Во второй половине прошлого века взаимный интерес гуманитариев и математиков друг к другу создавал атмосферу желания понять черты коллективной психологии человеческого поведения. Об этом пишет известный математик – автор книги «Математика как метафора» Ю. Манин. Интересно, что человека он хочет понять не с точки зрения математики и его не соблазняла перспектива применить свои рабочие навыки математика к гуманитарному материалу. Скорее, наоборот – математику он стремится понять как часть культуры. И здесь его предметом оказывается

язык метафор: «В своей основе всякий язык имеет характер метафоры, поскольку независимо от своих намерений он всегда остается языком и тем самым совершенно непохожим на то, что он описывает. На невозможности высказать природу основана сама возможность существования языка» [13, с. 53]. Далее Ю. Манин пишет: «Рассматривая математику как метафору, я хочу подчеркнуть, что интерпретация математического знания является актом в высшей степени творческим. В некотором смысле математика – это роман о природе и человечестве» [13, с. 53]. Математика – это метафора мироздания, а не само мироздание, поэтому одной только математики, видимо, недостаточно, для того чтобы понять, как работает мозг или как устроена Вселенная, даже если мы вооружены компьютерами любой мощности. Но они порождают еще одну так называемую «компьютерную метафору», которая фактически сводится к следующему утверждению: «Мозг – это цифровой компьютер».

В основе любой картины мира, в том числе и научной, можно обнаружить базовые метафоры, из которых разворачиваются все дальнейшие построения. Метафора выступает в роли когнитивного механизма, который создает новые образные модели, на основе которых впоследствии формируются новые концепты и теоретические положения. По мнению Дж. Лакоффа и М. Джонсона «интуитивная привлекательность научной теории зависит от того, насколько хорошо ее метафоры соответствуют опыту человека» [11, с. 43].

Психология, как наука, изучающая опыт индивидов, одной из первых лигитимизировала метафору и как отражения определенного слоя реальности, и как концепта имеющего возможность изменять эту реальность путем решения проблемы становления личности. Представления о душе и ее тайнах понятны читателям, далеким от психологии, как теории, но заинтересованным в получении разнообразной и глубокой информации о самих себе. «Душа болит», «душа ушла в пятки», «в здоровом теле здоровый дух» – эти и многие другие обращения к душе можно встретить на страницах многих популярных изданий. Да и метафоричное по своему стилю понимание психологии как науки о душе, выглядит интуитивно понятным и, в то же время, загадочным. Оно снимает иллюзию понятности, показывает недостаточность научных определений, возвращает к тайне смысла, а также к знакомым религиозным представлениям.

Метафоры используются во всех терапевтических подходах, целью которых является лечение «душевной болезни» или коррекция психиче-

ского состояния личности. В книге Дэвида Гордона «Терапевтические метафоры. Оказание помощи другим при помощи зеркала» [см. 8] раскрывается значение данного подхода для психотерапевта и отмечается, что интуитивно метафора на протяжении веков использовалась в качестве механизма, при помощи которого передавались и развивались самые разнообразные идеи. Дэвид Гордон основывается на понимании концепции метафоры как многоуровневого источника «нового света, бросаемого на старые темы», разработанном Шелдоном Коппом в книге «Гуру: метафоры психотерапевта». Рассказ клиента о его ситуации можно представить как набор метафор, в котором скрыты паттерны того, как люди выражают свой опыт о мире. Опираясь на опыт, полученный человеком в течение его жизни, с помощью метафор психотерапевт меняет ход его мыслей в отношении к той или иной проблеме. Целью своего научного труда Д. Гордон считает снабжение читателей знаниями, которые позволят научиться «формулировать и эффективно использовать терапевтические метафоры» [8, с.13]. Создание эффективных метафор приводит к правильным, реально сконструированным автором текста, решениям. Используя метафорические понятия, мы влияем на восприятие людей, в первую очередь, подсознательно, что является более эффективным, чем сознательное восприятие. Таким образом удастся помочь клиентам осуществить желаемые ими изменения.

Общество, как и составляющие его личности, необычная область реальности, поскольку его судьба в значительной мере зависит от того, как люди *видят* это общество, *представляют* его будущее, насколько они информированы как субъекты социальной деятельности и, как осознают общественные процессы. Как отмечает П. Штомпка в книге «Социология социальных изменений»: «Траектории движения планет не меняются в зависимости от прогресса астрономии, но уровень социологического знания существенно влияет на направление социальных преобразований» [19, с. 9].

Для социологического рассуждения метафора – ключевой троп, поскольку именно она лежит в основе большинства наших концептуализаций. Метафора появляется в социальной науке на этапе концептуализации, когда выполняется задача определить ту или иную область действительности в качестве объекта, схватить предмет в наиболее значимых аспектах. Н. Б. Отрешко говорит о базовых метафорах в социологии и их смене в истории, исследуя метафоры «организма

и системы» в классической социологии, а также «сети и резомы» при переходе к неклассике в социологическом познании» [15, с. 13]. Современные теории общества изобилуют новыми метафорами – «общество спектакля», «общество постмодерна», «общество риска», «общество дезорганизованного капитализма», «общества позднего модерна», «сетевое общество», «глобальная деревня», «общество риска», «виртуализованное общество», «молекулярный век» и т. п. По всей видимости не существует окончательной метафоры, делающей все другие недостаточно полными для проникновения в суть меняющейся современности.

Дж. Урри рассматривает историю метафор, к которым обращались социологи для определения понятия общества – таким как организм (у Герберта Спенсера), структура (у неомарксистов), обмен (у экономистов). Он считает, что если эти метафоры могли что-то дать для исследования национальных государств-обществ эпохи индустриального модерна, то в эпоху глобализации и дезориентированного капитализма использование этих метафор лишь затуманивает взгляд социолога и не позволяет ему обратиться к центральным социальным процессам и феноменам. Урри предлагает теории, приложимые к социальной жизни, на основе метафор сети, потока и перемещения. «Очевидно, что сегодня такие теории риторически более убедительные, поскольку названные метафоры представляются отвечающими некоему актуальному опыту со свойственным ощущением «сжимающегося мира», порождаемого глобальными процессами» [20, с. 39]. Формируется такой тип современного общества, который М. Маклюен образно назвал «Глобальной деревней». Это название – метафора, которая подчеркивает открытость и доступность информации, интенсификацию социальных контактов и экономических взаимосвязей в планетарных масштабах. Ведь традиционно считается, что именно в деревне все обо всех все знают.

Джон Урри предлагает сделать центральным понятием современной социологии глобализма мобильность – всевозможные перемещения людей, вещей, образов. Для этого ему требуется новый набор метафор. В числе метафор, к которым обращается Урри, – путешествие, поток, граница, сеть, номады, туристы. Мир глобализации – это мир сетей и потоков, мир, в котором социальные отношения не ограничены территориями национальных государств и не заданы сплошными физическими расстояниями на местности. Глобализм, как отражение многообразия мира, но и как перспектива изменения социальной структуры нового

общества, непосредственно связан с динамичностью, постоянной изменчивостью, предельной реляционностью, «текучестью современности». В работе «Текучая современность» З. Бауман предложил новую группу метафор, характеризующих изменения окружающей жизни, где «текучесть» является главной метафорой нынешней стадии современной эпохи» [4, с. 8].

Подобные образы современной культуры находятся в согласии и перекликаются с идеей культуры, которую когда-то ее создатель – Иоганн Гердер, выразил метафорой единой цепи, которая сменяет бытовавшую до него метафору лестницы постепенного развития.

И. Г. Гердер указывал, что, несмотря на различия устремлений различных народов: «Мы видим, что во всем творит лишь одно начало – человеческий разум... из многого создает единое, из беспорядка – порядок. А потому *одна цепь культуры* соединяет своей кривой и все время отклоняющейся в сторону линией... все нации...» [6, с. 440-441]. И далее он красочно и поэтичным языком описывает развитие: «Вообще говоря, дорога культуры на нашей земле, дорога с поворотами, резкими углами, обрывами и уступами, – это не поток, что течет плавно и спокойно, как широкая река, а это низвергающаяся с покрытых лесом гор вода; в водопад обращают течение культуры на нашей земле страсти человеческие» [6, с. 444-445]. Этой мысли о единстве всего человечества созвучна идея, высказанная Н. М. Карамзиным, который отмечал: «Все народное ничто перед человеческим, главное дело быть людьми, а не славянами. Что хорошо для людей, то не может быть дурно для русских; и что англичане или немцы изобрели для пользы, выгоды человечества, то мое, ибо я человек» [10, с. 167].

Ф. Анкерсмит исследуя функции метафорических высказываний, называет метафору «образом», *точкой зрения*, с которой следует их соотносить исследование. Он подчеркивает важность «метафорической точки зрения» для понимания социальной реальности, т. к. метафора становится, по существу, «эквивалентной индивидуальной (метафорической) точке зрения, с которой нас приглашают смотреть на часть исторической действительности» [2 с. 82]. М. Блэк настаивает на том, что сущность метафоры заключается в актуализации системы ассоциаций, порождаемых вспомогательным субъектом, и «*видении*» главного субъекта через призму этих ассоциаций. Блэк же, подчеркивая познавательные возможности метафоры, описывает ее структуру, применяя понятия

современной оптики – слова, употребляемые «в обычном смысле» он назвал «рамкой» и слова, использованные в «переносном» смысле названы «фокусом» метафоры.

Использование метафоры не отдаляет нас от познания социальной действительности, а «возможно, что метафора, – считает Анкерсмит, – вообще есть наиболее мощный лингвистический инструмент, который мы имеем в нашем распоряжении для преобразования действительности в мир, способный адаптироваться к целям и задачам человека. Метафора весьма эффективна в организации знаний способами, которые могут обслуживать наши социальные и политические цели» [2, с. 85]. Метафора организует наше знание этих аспектов мира таким способом, который может позволить нам сделать этот мир лучшим, более безопасным местом для нас и наших детей. Метафора подсказывает нам, как обустроить «наш естественный дом».

П. Рикёр отмечает, что понятие «видеть как» восходит к Л. Витгенштейну, хотя тот и не применяет его по отношению к метафоре. «Видеть как» – это интуитивное отношение, удерживающее вместе смысл и образ. П. Рикёр отмечает связь между «видеть как» и «представлять себе» («воображать») в процессе творческого познания и создания новых «живых» метафор. Творческую роль воображения в познании подчеркивает и социолог Э. Гидденс: «социологическое воображение прежде всего предполагает способность “отстраниться” от привычной рутины нашей повседневной жизни, чтобы взглянуть на нее по-новому» [7, с. 34].

Познавательное действие «видеть как» может оказаться успешным или потерпеть неудачу. Неудача – это судьба несостоятельных метафор, считает П. Рикёр – вымученных или случайных, либо, наоборот, слишком банальных и стертых. Успех же ждет метафоры, способные вызвать удивление и ощущение открытия. П. Рикёр детально анализируя указанное высказывание, делает вывод: «Таким образом, “видеть как” выполняет в точности роль схемы, объединяющей пустой концепт и слепое впечатление; будучи полумыслью, почувством, оно, это действие-чувство, соединяет ясность мысли с полнотой образа. Невербальное и вербальное, тем самым, тоже оказываются тесно связанными между собой – в рамках образной функции языка» [17, с. 452].

Подобный аспект понимания метафоры подчеркивает и Х. Арндт: «Метафора создает “абстракцию”, без-образную мысль вместе с созер-

цанием, полученным из мира явлений, чья функция состоит в том, чтобы “доказать реальность наших понятий”» [3, с. 105]. Концептуальная метафорическая речь действительно соответствует деятельности мышления, операциям ума. Мысль вместе с соответствующим концептуальным языком нуждается в метафорах, для того чтобы перебросить мостик между миром чувственного опыта и царством, где подобное непосредственное схватывание данных невозможно. Доминирующим в чувственном познании стало зрение, восприятие глазами, созерцание – затем оно перенеслось на умственное восприятие и стало обозначать высшую форму мышления – умозрение.

И. Кант, анализируя нашу способность суждения, отмечал: «Для того чтобы доказать реальность наших понятий, всегда требуются созерцания» [9, с. 372]. Если это эмпирические понятия, то созерцания называются примерами. Если это чистые рассудочные понятия, то они называются схемами. Но для понятий разума требуются более сложные схематические и символические способы их представления «обозначения понятий посредством сопутствующих чувственных знаков, которые не содержат в себе ничего принадлежащего к созерцанию объекта, а только служат для них средством репродуцирования по присущим воображению законам ассоциации» [9, с. 373].

И. Кант приводит примеры слов – он называет их символическими гипотипозами и выражениями для понятий не посредством прямого созерцания, а лишь по аналогии с ним: основание (опора, базис), [за] висеть (быть поддерживаемым сверху), вытекать из чего-либо (вместо следовать), а также аналогию, которую Ханна Арендт приводит в качестве примера удачной метафоры. Кант предлагает представить монархическое государство как одушевленное тело, если оно управляется по внутренним народным законам, или же как машину (например, ручную мельницу), если оно управляется отдельной абсолютной волей.

В предыдущих наших публикациях мы уже обращались к исследованию проблемы метафорического конструирования социальной реальности [см. 14]. Был сделан вывод, о том что метафорическое мышление есть существенная характеристика познания, в том числе научного и социально-гуманитарного.

Попытка переосмысления роли метафоры в современной социальной теории, осуществляемая многими теоретиками современного общества оказалась очень плодотворной. Применение новых концептуальных

моделей, ориентированных на глубинно-метафорический характер человеческого восприятия и мышления открывает новые горизонты не только в более глубоком познании социальной действительности, но и в создании механизмов ее преобразования. Это соответствует идеям Дж. Лакоффа и М. Джонсона о возможностях метафорического мышления, согласно которым «новые метафоры могут создавать новое понимание и, тем самым, новые реалии» [11, с. 251]. Метафора – это своеобразный посредник между субъектом познания и деятельности и миром, активно творимом человеком.

В метафорах совмещаются возможные и реальные уровни деятельности. Это происходит за счет того, что в метафорическом образе уже по определению, помимо него самого, есть и еще нечто, что он скрыто несет. Иными словами, богатство смыслов придает метафоре в наших глазах особую ценность, позволяет увидеть открытый характер истины социального познания. Свободное стремление социологической мысли, по мнению Гидденса, дает возможность проникнуть не только в суть того, что происходит, но и что может произойти, если мы станем действовать каким-либо образом. Таким образом «возможное будущее» открыто для нас.

Потребность создать новый смысл вызывает метафору к жизни, а эмоциональный заряд формирует установку к действию. Метафоры выполняют порождающую функцию, создают новые смыслы и новые значения в нашем языке, познании и действии. Только через открытие новых смыслов возможно движение к истине, понимаемой как соответствие глубинным источникам смыслополагания и общечеловеческого опыта. Как отмечал Анкерсмит «только метафоры опровергают метафоры» [2, с.341], а затем он делает вывод – «проникновение в истину – сущность метафоры» [2, с. 85].

Таким образом, потребность метафорического представления о сложных феноменах социального достаточно высока. И поэтому исследование метафорического аспекта нашего восприятия общества и человека весьма актуально. Так же важен и дальнейший творческий поиск новых удачных метафор, углубляющих наше познание, украшающих речь, развивающих наши эмоции, чувство прекрасного и риторические способности. Отсутствие общей объяснительной схемы, активное участие во всевозможных дискурсивных практиках, вовлеченность в осмысление собственного участия в конструировании

нового сообщества открывают новые горизонты для создания социальной теории XXI столетия.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Андерсон Р.-Д.* Тоталитаризм: концепт или идеология / *Р.-Д. Андерсон* // Полис (Политические исследования). – 1993 – №3. – С. 98-108.
2. *Анкерсмит Ф. Р.* История и тропология: взлет и падение метафоры. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – 496 с.
3. *Арендт Х.* Жизнь ума. – СПб. : Наука, 2013. – 517 с. – (Сер. Слово о сущем).
4. *Бауман З.* Текущая современность. – СПб. : Питер, 2008. – 240 с.
5. *Вжосек В.* О смысле и назначении метафоры в гуманитарных науках // История и современность. Выпуск №2/2005 – С. 23-34.
6. *Гердер И. Г.* Идеи к философии истории человечества. – М., 1977. – 703 с.
7. *Гидденс Э.* Социология. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – 704 с.
8. *Гордон Дэвид.* Терапевтические метафоры. Оказание помощи другим посредством зеркала. – СПб. : Белый кролик, 1995. – 196 с.
9. *Кант И.* Критика способности суждения // Кант И. Соч. В 6 т. – Т. 5 – М.: Мысль, 1966. – 743 с.
10. *Карамзин Н.* Избранные статьи и письма. – М., 1982. – 352 с.
11. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем. – М.: УРСС, 2008. – 256 с.
12. *Ло Джон.* Оптика опроса // Социология власти – №4-5 (2012) «Видеть как... Осмысляя оптику институтов» – <http://socofpower.rane.ru/dzhon-lo.-optika-oprosa/>
13. *Манин Ю. И.* Математика как метафора. – М.: МЦНМО, 2008. – 401 с.
14. *Мокрецова Н. Я.* Метафора: возможности интерпретации и конструирования социальной реальности // Философия языка: в границах и без границ. – Т. 8. – (Международная серия монографий). – С. 49-59.
15. *Отрешко Н.Б.* Теоретические метафоры социальной реальности в современной социологии // Вісник Одеського національного університету / Том 14, випуск 13. – С.107-114.
16. *Палагута В. И.* Значение метафорического мышления для

современной социальной теории // Ноосфера і цивілізація. – 2011. – Вип. 10/11. – С. 85-92.

17. *Рикер П.* Живая метафора // Теория метафоры. – М., 1990. – С. 435-455.

18. *Ричардс А.* Філософія риторики // Теорія метафори / Ред. Н.Д. Арутюнова. – М.: Прогрес, 1990. – С. 44-68.

19. *Штомпка П.* Социология социальных изменений. – М.: Аспект - Пресс, 1966. – 664 с.

20. *Урри, Дж.* Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия. – М.: И-зд. дом Высшей школы экономики, 2012. – 336 с.

21. *Энгельс Ф.* Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т.20 – М., – С. 343-626.

22. *Янг Роберт М.* Дарвиновская метафора и философия науки. – Режим доступа: http://oslando.ru/filosofiya/darvinovskaya_metafora_i_filosofiya.php

